

Леонтьева А.А. Бикультурная идентичность как проблема психологии

English version: [Leontieva A.A. Bicultural identity in psychological perspective](#)

Высшая школа экономики, Москва, Россия

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

В работах, посвященных бикультурной идентичности, можно проследить интерпретации этого понятия через призму разных метафор социального порядка. В зависимости от этих базовых метафор меняется содержание научной проблемы, предмет и методология ее исследования. Анализируются образы бикультурности как маргинальности, как компетентности, как принятой позиции или как частного случая этнокультурной идентичности. Кроме того, прослеживается акцентирование субъектного («драма») или инструментального («механизм») аспектов становления и функционирования бикультурной идентичности. Предложенная классификация метафор позволяет соотнести результаты разнородных эмпирических исследований бикультурной идентичности, выполненных в разнообразных социокультурных и идейных контекстах.

Ключевые слова: бикультурализм, поликультурная идентичность, этническая идентичность, метафоры идентичности, психология маргинальности, бикультурная идентичность

Поликультурность (или ее частный случай – бикультурализм) личности – это понятие, которое отражает ситуацию людей, включенных в два и более этнокультурных контекста. Это и мигранты разных поколений, и люди из смешанных семей, и представители групп этнокультурных меньшинств в многонациональных государствах. Основное содержание настоящей статьи – на примере бикультурной идентичности рассмотреть историю изменения представлений о таких жизненных ситуациях в психологии и о смене подходов для осмысления поликультурного опыта, в особенности относящегося к вопросам развития идентичности человека.

Вводные замечания по анализу этнической идентичности

«Карьера» исследований бикультурной идентичности складывалась по-разному в этнографии, культурной антропологии, фундаментальной социологии, педагогике, лингвистике, социальной политике и собственно психологии, исторически последней в этом ряду. Стыковка этих подходов для решения психологических проблем часто очевидна, а иногда требует выяснения базовых основ с учетом того, что некоторые из них уже не релевантны современности. Инструментом здесь выступает анализ центральных научных метафор бикультурализма, а для обоснования значимости его применения в области этнической идентичности можно присоединиться к аргументации Т.Д.Марцинковской [Марцинковская, 2014] и ее анализу развития психологической науки в транзитивном обществе. В качестве рабочего определения можно принять версию Т.Г.Стефаненко: бикультурная идентичность – это форма идентификации себя с двумя этнокультурными группами, проявляющаяся на уровне переживания, представлений и поведения [Стефаненко, 2014]. Сегодня термин «bicultural identity» и «bicultural» все чаще встречается в психологической литературе, но в каком качестве он используется?

Прежде всего понятие идентичности в последние годы быстро теряет популярность в качестве

объяснительного термина или же рассматривается с новых позиций. Для этого есть исторические причины, связанные со скоростью и характером социальных трансформаций [Белинская, 2005; Андреева, 2011]. Некоторые авторы приходят к выводу, что «изменения, традиционно относимые к нарушениям идентичности, могут определяться... современными социальными процессами: усложнением социальных структур, их нестабильностью, неоднозначностью правил и границ между структурами и т.п.» [Тхостов, Рассказова, 2012]. Но кроме упомянутых причин, есть и методологические ограничения [Барский, Кутузова, 2004; Турушева, 2014], указывающие на конструктивный характер идентичности и вытекающие из этого требования к процедуре ее исследования [Барский, 2008].

Этнокультурная идентичность имеет и дополнительную специфику. За последние десятилетия категории этничности социальных изменений были переосмыслены, возможно, в наибольшей степени, конкурируя в этом плане лишь с гендером. Оперируя понятиями национальность, национальное самосознание и национальная идентичность сегодня, мы уже понимаем, что сам концепт нации и национального государства возник в XIX веке как продукт определенных политических изменений в Европе. Этничность как самостоятельный предмет в современной этнологии и социальной антропологии рассматривается как «воображаемое сообщество» [Андерсон, 2001] с большим акцентом на процесс конструирования этнических кодов [Воронкова, Освальд, 1998] и поддержания этнических границ как залога сохранности этнических групп [Барт, 2006]. Кроме того, подход, иногда обозначаемый как «инструменталистский» [Стефаненко, 2014], возвращает к той уже ставшей общим местом идее, что подобный процесс конструирования этнических границ происходит целенаправленно и потому подлежит политическому анализу. Этнические отношения и категории соотносятся с вопросами распределения статусов и власти в макро- и микросообществах. Все эти аспекты изменения понятия этничности и полный отход от эссенциалистского ее понимания не мешает ни сопоставительным этническим исследованиям, ни психологическим исследованиям в русле культурной и кросс-культурной психологии, однако ставят перед их авторами вопрос об осознании статуса изучаемых явлений и учете важных макросоциальных факторов.

Метафоры бикультурализма как предмета исследования

В основе исследований бикультурализма личности как отдельного феномена можно выделить две базовые метафоры: метафору драмы и метафору механизма. Каждая из метафор подразумевает свои вопросы и «оптику». Если мы рассматриваем бикультурализм как *драму*, то вопросы – в чем конфликт? Кто его действующие лица? Что делает наш герой, почему и ради чего? Круг вопросов в данном случае неизбежно вращается вокруг власти, статуса, доминирования, исключения, отчуждения, стратегий самопрезентации и др., т.е. в целом вокруг смысловой сферы личности в контексте значимых отношений и образа мира. При этом главным психологическим вопросом оказывается так или иначе понимаемый процесс выбора со стороны субъекта и его самоопределение.

С другой стороны, «наблюдаемый эмпирически» бикультурализм можно уподобить особому *механизму*, которым оснащается человек (наподобие двурельной машины), и тогда вопросы, волнующие исследователей, будут лежать в иной плоскости: в чем отличие функционирования бикультурного сознания от монокультурного? Каким процессам бикультурализм препятствует, а какие облегчает? Какие аспекты бикультурализма обеспечивают эти различия? Каков генезис такого механизма бикультурности? Частично это разделение соответствует синхроническому и диахроническому рассмотрению, но не вполне: хотя механизм тоже формируется, но не обязательно по законам драмы.

Подход с точки зрения «функционирования механизма» (или в более современной форме – анализ динамических систем) по очевидным причинам активно воплощается в методологии изучения билингвизма и использования языка. Кроме того, в такой подход хорошо вписываются работы, выполненные в русле «переключения культурных рамок» (cultural frame-switching). В частности, концепт «интегрированность бикультурной идентичности», введенный в работах В.Бене-Мартинес коллегам, включает в себя «интегрированность» или «конфликтность» бикультурной идентичности лишь количественно, но вне анализа содержания и сторон этого конфликта [Bene-Martinez, Haritatos, 2005]. Культурно-историческая методология выдвигает тезис, что между этими двумя моделями (драмы / выбора и механизма) возможно уровневое отношение: от перестраивания системы

отношений и смыслов (прохождения событий драмы) меняется и сам механизм, причем интериоризируя эти новые отношения в свернутые формы «механизма». В одной из работ Вероники Бене-Мартинес [Bene-Martinez et al., 2002] было показано, что конфликт идентичности находит выражение в регуляции способа работы с информацией в культурно-окрашенном ключе.

В то же время существует и другое разделение, продиктованное тем, какой бикультурная идентичность представляется исследователями – отрефлексированно или нет – в контексте социальной системы в целом, и, косвенно, чему уподобляется сама эта система (образ мира). Здесь можно выделить 4 метафоры бикультурализма, которые будут последовательно рассмотрены ниже.

- Бикультурализм как аномалия / нарушение
- Бикультурализм как адаптация / стратегия
- Бикультурализм как позиция / выбор
- Элиминационная: бикультурализм как частный случай культурной идентичности

Бикультурализм как аномалия

Самые ранние и до сих пор появляющиеся исследования объединяет представление, что психологическое благополучие человека определяется согласованностью его личности или индивидуальности с требованиями культуры [1]. Придание онтологического статуса социально сконструированным явлениям, к которым относится культурная общность, стало мишенью критики со стороны социального конструкционизма. В этнологии это можно обозначить как переход от примордиаризма к конструктивизму в понимании этничности. Вне постановки вопроса о конструировании «культуры» психологические исследования (например, национального характера или этнокультурных сценариев) тоже возможны, и тому есть много удачных примеров. Однако как только эти предметы онтологизируются, возникает нормирование, одновременно бикультурализм становится аномалией и начинает требовать отдельного инструментария. Таковым для многих психологов послужило понятие культурной маргинальности.

Понятие культурной маргинальности стало маркером для обозначения «инаковости» именно у психологов [2], хотя судьба концепции культурной маргинальности не проста и в «родной» социологии, начиная с работ чикагской школы, а именно Р. Парка и Э.Стоунквиста. Анализируя социальные трансформации, они обнаружили, что некоторые люди оказались в особом положении: их установки, ценностные ориентации, модели поведения одновременно соотнесены (реально или в интенции) с различными культурными системами и проистекающими из них требованиями, но ни в одну из них они не интегрированы полностью» [Цит. по: Быховская, Горбачева, 1998]. Р.Парк и Э.Стоунквист составляли свои предполагаемые списки признаков и свойств маргинального человека, указывая как на негативные аспекты маргинальности, связанные с постоянным риском отвержения одним из двух сообществ («серьезные сомнения в своей личностной ценности, неопределенность связей, одиночество, боязнь быть отвергнутым»), так и на позитивные («творчество, широкие горизонты, новаторское отношение к жизни») [Там же.].

Случилось так, что для многих специалистов социальных наук, особенно не имевших доступа к первоисточнику, именно этот фрагмент послужил обоснованием того взгляда, который проистекает из обыденного представления об этнических группах. Первым шагом для исследователей закономерно стала проверка точности такого психологического портрета. Но однозначного ответа на вопрос о том, как «фактор бикультурности» влияет на психологические характеристики и идентичность, дать не удалось. Как пример можно привести несколько российских исследований, показывающих неоднозначный результат по параметру озабоченности своей принадлежностью (как симптомом обсуждаемого конфликта): по одним данным, этническая идентичность более значима для бикультурных людей и подростков [Галкина, 1993; Пономарева, 2002], по другим – бикультурные респонденты испытывают меньше эмоций по поводу своей этничности [Собкин и др., 2003; Титова, Козлов, 2004]. Более современные данные рисуют ту же картину не только относительно личностных, но и более широких процессов: например, бикультурная идентичность молодых людей у ряда авторов положительно коррелирует с их академической успеваемостью [Fuligni et al., 2005], а у других – такой связи нет [Okeke et al., 2009].

Однако подход классиков чикагской школы был намного сложнее, чем может показаться из приведенных цитат, и психологический портрет «маргинала» был далеко не главной областью раздумий. Для них основной проблемой было формирование в связи социальными трансформациями нового антропологического типа (и новых отношений), образцом которого выступал мигрант. Чикагская школа проблематизировала пространство города, где физическая близость сочетается с социальной дистанцией, трансформируя работавшие ранее механизмы социального контроля малой общины в совершенно новые. Известные из эмпирических исследований психологические стратегии аккультурации находят свои истоки в описанных у Парка моделях контакта разных групп в рамках города (конкуренция, конфликт, аккомодация, ассоциация) [Николаев, 2010]. Таким образом, тот современный горожанин, кто не осмысляет свою жизнь как поле столкновения разных культурных традиций, тем не менее представляет собой тот же тип, хотя и возможно в «смазанном» виде. Поэтому опираясь на классическое понимание маргинальности, рассматривать биетническую идентичность как конфликтную по своей природе неуместно: она вписывается в мозаичность идентичности любого современного человека как один из примеров.

Каковым можно считать соотношение антропологического и психологического типов и правомочно ли предполагать, что психологическими средствами «бикультурал» все-таки может быть описан? Разумеется, эмпирическое выявление психологических тенденций людей, которые, во-первых, вовлечены в противостояние культурных групп, во-вторых, переключаются в разные режимы социального поведения и мышления – понятная задача. Однако антропологический тип – это предмет более широкого порядка, так как релевантен не психологической ситуации, а антропологической, общекультурной. Изучать и конструировать антропологический тип можно скорее в межкультурном и/или историческом сопоставлении, а не средствами дифференциальной психологии (соотношение этих уровней анализа представляет отдельную проблему).

Итак, представление о бикультурализме как о своего рода аномалии, «свое судьбы», несущей определенные разрушительные последствия, обычно проистекает из эссенциалистского понимания этничности. Иногда это приобретает почти карикатурные формы, как в подходах, оперирующих понятиями наподобие «этнофункционального рассогласования». В то же время в ситуациях большого межэтнического напряжения и при низкой ценности автономии личности в культуре такая рамка для определенных выборок может оказаться подходящей. Однако неприемлемым упрощением было бы полагать конфликтность непременным атрибутом любой биетнической идентичности или искать ее основания, выводя за скобки контекст актуальных общественных отношений.

Бикультурализм как адаптация

Второй близкой метафорой изучения бикультурализма может быть психологическое новообразование / адаптация, которая отличает тех, чей жизненный мир затронут полем двух культур от тех, чей (пока) нет. В этом случае авторы тоже часто апеллируют к социологическому понятию культурной маргинальности, но делают акцент на возможностях приспособления и тех новых способностях, которые маргинальная ситуация помогает выработать.

Главной смежной областью, откуда заимствуется методология такого исследования, становятся когнитивные науки и исследования билингвизма. По сравнению с идентичностью, использование языка поддается более точному описанию и фиксации, а следовательно, позволяет использовать более скрупулезных и надежных исследовательских процедур, в том числе с привлечением данных об активности мозга. Сегодня выделено много видов мультилингвизма и показано, что в целом в мире и люди, и сообщества, использующие более одного языка, составляют большинство. Характерно, что как и в случае мультикультурной идентичности, область исследования мультилингвизма представляет большое и разнородное поле научных проблем от мозговых механизмов до социальных отношений. «Использование языка» является важным параметром для междисциплинарного исследования этнической идентичности, включая, но не ограничиваясь психологическим аспектом [Донцов и др., 1997; Fishman, 1999]. И сегодня самый распространенный тип исследований рассматривает бикультурную идентичность как часть (обретаемой) дополнительной способности. Это проявляется в таких концептах как «аккультурация», «бикультурная компетентность», «бикультурная социализация» и т. д. (см. изложение подходов в [Белинская, Стефаненко, 2000]). Степень свободы, вариативности и точности, которая появляется при переходе от «аномалии» к «адаптации / способности», очень

велика, и эту методологическую метафору можно применить к большинству распространенных работ по бикультурной идентичности.

Метод исследования в этих работах, как правило, сочетает качественные и количественные опросные методики, направленные на описание самих культурно-релевантных навыков (где язык на первом месте), эмоций в связи с межгрупповым взаимодействием, с культурными институтами (например, праздниками, обычаями) и т. д. Это не отличается от инструментов в подходах, отнесенных к предыдущему типу, к их числу принадлежит большинство распространенных опросников этнической идентичности вообще (такие как General Ethnicity Questionnaire (GEQ) или стандартизированные опросники аккультурации).

Такие опросники этнической идентичности (меньшинств) создаются на конкретных сообществах и контекстах, что неслучайно: набор этнодифференцирующих признаков зависит от культуры и подвижен, укореняясь как в культурной традиции, так и отвечая вызовам актуальной социальной (экономической, демографической, политической) ситуации. Степень, в которой можно выделить универсалистские инварианты подобных исследований – очень интересная научная проблема: сегодня пристальное внимание привлекает мета-анализ опросников этнической идентичности и надежности этих инструментов в разных выборках [Котова, 2013, Huynh et.al, 2009].

Теория. Основные отличия этой методологии от предыдущего типа коренятся в понимании вариантов благополучного развития этнической идентичности. Исходя из общего понимания этнической идентичности как основы для кросс-ситуативного синтеза установок в отношении окружающих и самого себя, благополучие этнической идентичности, в том числе смешанной, рассматривается скорее с точки зрения ее эмоционального компонента. Аргументом для этого является многократно продемонстрированная связь между позитивной этнической идентичностью и благополучием человека [Smith, Silva, 2011]. При этом, как правило, «позитивная этническая идентичность» подразумевает самоотчет о преобладании положительных эмоций в связи с мыслями о своей этнической группе. Развитие данной исследовательской темы продолжается с изучением разных аспектов бикультурности (например, «конflikта» по методике Вероники Бене-Мартинес), в сопоставлении с гендером, дискриминацией, чертами личности и т. д. Такой способ изучения приводит к преобладанию эмпирических классификаций и обобщений бикультурности (см., например, [Phinney, Devich-Navarro, 1997]), а сопоставительный анализ типологий бикультурности представляет отдельный интерес.

Понятие, с которым увязывается бикультурная идентичность, – это аккультурация, определяемая через взаимодействие с культурным окружением индивида, в том числе – через компетентность в социальной жизни. Таким образом, подход с точки зрения аккультурации требует хотя бы приблизительного очерчивания «культуры» как определенного гомогенного поля установок и ценностей. Важной частью работы в этой методологии становится изучение этнической идентичности разных сообществ и специфики аккультурации разных групп в различных контекстах. *Метод работы* или *воздействия*, соответствующий такой методологии, опирается на максимальное обучение, расширение культурного опыта, а также выявление помех эффективному общению и освоению вариативных социальных институтов и их устранение.

С позиций другого введенного нами различения в общем подходе с точки зрения метафор механизма (более объективированный подход) и драмы (более субъективированный), большинство исследований рассматривают в этой парадигме бикультурную идентичность относительно степени ее эффективности и комфортности для «носителя». Это особенно проявляется в работах, посвященных выявлению взаимосвязей с другими психологическими и социальными параметрами. Аспект же субъективного отношения к имеющейся ситуации выбора в рамках вопросов о приспособлении к бикультурализму активно разворачивается в исследованиях социальных антропологов о том, каков собственно спектр возможностей у людей двойной принадлежности (например, исследования Де-Восом стратегией «перехода» в более статусную группу [Де-Вос, 2001]). В психологии вопрос управления идентичностью разработан и в рамках теории Тэшфила и Тернера, хотя и она содержит более широкий спектр объяснений [Белинская, Стефаненко, 2000].

Бикультурализм как позиция

К 1990-ым годам в странах Запада проблема активистского и политического аспекта социальных наук стала активно обсуждаться и в академическом контексте. Так, наряду с движением отдельных социальных меньшинств за гражданские права возник и соответствующий стиль обсуждения проблемы бирасовости в США. Бирасовость и бикультурность проблематизируются схожим образом, но первая больше связана с внешним видом (а значит – с вопросами презентации) человека и апелляцией к биологическим представлениям.

Как конкретно проявляется этот подход в понимании бикультурной идентичности? Одним из ярких примеров являются работы социолога и активистки Марии Рут. Она привлекает внимание к тому, что в американском обществе в рамках каждой расы существуют политические предубеждения по отношению к престижу и власти. Неудобство и двусмысленность, которые переживает бирасовый человек в общении, коренятся в неопределенности и важности установления его «незримого статуса» в глазах окружающих [Root, 1995]. Сам способ обозначать расы и этнические группы, бытующий в языке и практиках (например, при необходимости указывать одну группу принадлежности в документах), ставит под удар бикультурную идентичность, делая ее уязвимой и требующей дополнительных опор.

Метод исследования, включая метод конструирования изучаемой проблемы, опирается на обширный культурологический анализ с пристальным вниманием к истории, дискурсу, повседневным практикам для определения межгрупповых отношений. Например, Мария Рут подробно описывает, как именно «чувство инаковости» конструируется практиками общения в жизни бирасового человека, приводя примеры высказываний в межличностном общении («Вопросы и комментарии: «Откуда ты?», «Дети из смешанных семей – такие привлекательные» и т.п. [Там же.]). Соединение маркировки этнической «необычности» с даже малозаметным неодобрением и отчуждением вследствие бытующих предрассудков порождает, по мнению Марии Рут, основные трудности, характеризующие ситуацию бирасового человека [Там же.].

В теории, предлагаемой в этой стратегии, подчеркивается, что выбор концептов и фокусировки проблем отражает не только реальность изучаемого сообщества, но и самих исследователей. Поэтому Мария Рут привлекает внимание к тому, что в теориях развития идентичности меньшинств, которыми руководствовались консультанты в работе с подростками, одни рассматривали биэтническую идентичность в качестве уже достигнутой, а другие («предрешенную» идентичность с большинством или «открытие» культуры меньшинства) – как стадии на пути к ней [Ставропольский, 2003]. Однако нет причин считать, что существует нормативный вариант бикультурной идентичности, несоответствие которому должно расцениваться как неблагополучие, подчеркивает она [Root, 1995] и призывает рассматривать выбор прежде всего с точки зрения достижения индивидуального благополучия человека.

Метод работы. Акцент в консультировании человека в ситуации бикультурности, поставлен не на содержание взаимодействия индивида с контекстом, а на укрепление его активной роли в конструировании своей идентичности, выходе из-под социального влияния в позицию социального творца. Работа М.Рут включает, например, «Билль о правах человека бирасового происхождения», утверждающий, что право на язык, описывающий бикультурный опыт, приоритетно у самого субъекта, причем каждого конкретного субъекта, а не его окружающих и даже экспертов-психологов [Root, 1996]. Билль включает такие положения, как «Я имею право не соответствовать представлению окружающих о моей расе» или «Я имею право по-разному определять себя в разных ситуациях».

Проекцией подобных идей (на грани социологии и активизма) в область психологической теории является следующий тезис: смысл бикультурности как проблемы возникает вне индивидуальной жизни, на уровне отношений власти и доминирования социальных групп и практик, поддерживающих предубеждение. В частности, сам фундаментальный выбор эссенциализма–конструктивизма как мировоззренческой и общетеоретической ориентации подлежит политическому анализу (какая социальная позиция «выигрывает» и «проигрывает» в том или ином случае?). Критическая теория обосновывает, что такая субъектная вещь, как личная идентичность и личная позиция имеет в культуре механизмы своего обеспечения на индивидуальном уровне. Идентичность все больше оказывается предметом не только психологических и не столько социологических, сколько политических исследований. Эта междисциплинарность частично объясняет и растущую востребованность идей культурно-исторической психологии Л.С.Выготского.

Постановка проблемы бикультурности как проблемы дискурса и производной от межгрупповых отношений и связанных с ними идеологий подразумевает возможность объективированного изучения бикультурализма. Бикультурализм может быть таким социальным «механизмом», который задает человеку определенный набор дилемм и сценариев управления ими. Психологический анализ в подобной модели может быть сфокусирован на процессе взращивания индивидуализма и независимости, устойчивости к дискриминации и еще в большей степени – к неопределенности как аспекту социальной жизни в условиях перемен [Белинская, 2014].

Но есть, очевидно, и «драматический» аспект вопроса в какой позиции бикультурность оказывается по отношению к дискурсу. Интерес для обсуждения представляет анализ рефлексивного опыта, например в работах философов, осмысляющих современную антропологическую ситуацию человека в мире многообразных культур. Некоторые из них, как М.К.Мамардашвили, подчеркивают и даже абсолютизируют примат индивидуальности над этнической принадлежностью и важность сохранения своей личности перед лицом любого отвержения извне. М.К.Мамардашвили обобщает: «страны, люди, это все одно и то же в смысле механики наших привязанностей, наших зависимостей» [Мамардашвили, 1997, с. 130], то есть производя определенную психологическую редукцию, рассматривает патриотизм как частный случай привязанности. Со стороны самого человека бытие в культуре, которое М.К.Мамардашвили иногда и называет мышлением, возможно только если «я отступил в сторону. То есть я должен выскочить из связей..., из своей семьи..., из своей страны, потому что пока я в них, я их принимаю как нечто само собой разумеющееся или истинное. Истинно быть грузином. Или само собой разумеется быть грузином. Но любой первый шаг личностного движения связан с тем, чтобы мы это подвешивали» [Мамардашвили, 1997, с.79]. В целом подход к этнической идентичности в русле идей М.К.Мамардашвили основывается, во-первых, на том, что личность не сводится не только к социальному субъекту (усвоенным в культуре значениям и смыслам), но и даже к своему сознанию. Во-вторых, личность проявляется настолько, насколько она способна ставить под сомнение все формы своей принадлежности, то есть связана с этнической идентичностью реципрокно.

Опираясь на эти идеи, но переосмысливая последний тезис, М.Н.Эпштейн предлагает категорию «транскультуры» как поле вариантов, к которым человек оказывается причастен как по рождению, судьбе, так и по собственному выбору, и в котором его существование свободно: «Выход в область транскультуры расширяет смысл всех существующих культур, потому что любой их элемент теперь не диктуется, как традиция, а свободно выбирается, как художник выбирает краски, чтобы по-новому их сочетать в картине» [Эпштейн, 2004, с. 628]. Пути синтеза экзистенциализма и постмодернизма рассматриваются и другими философами, например, Г.Л.Тулчинским или Ж.Лаканом (см., например [Леонтьева, 2006]).

Элиминативный подход: бикультурализм как частный случай идентичности

Последний подход к осмыслению бикультурной идентичности можно обозначить как элиминативный в том смысле, что существуют исследовательские рамки, в которых сама по себе бикультурность идентичности не проблематизируется в теоретическом смысле. Бикультурная идентичность (а точнее – поликультурная) оказывается частным случаем идентификации, которая может иметь для человека какой-то психологический смысл, а может вообще не быть значимым фактом его жизненного мира. Вопросы бикультурной идентичности оказываются приложением более общей теории в специфических условиях.

Различение этих условий с точки зрения их психологического смысла составляет отдельную задачу, конфликт нарративов из разных контекстов, разная их «цена» в определенных ситуациях – все разнообразие феноменов может быть рассмотрено через призму общих категорий, без выработки специального языка. Среди методик, в рамках которых бикультурная идентичность рассматривается как частный случай культурной идентичности, частично оказываются и те, которые были разработаны в теориях среднего уровня, упомянутых ранее.

Однако если указать именно на теоретические схемы/ модели, подпадающие под описание, то внимание должно переместиться «ближе» к общей психологии. Примером может послужить

динамико-конструктивистский подход к социальному познанию и бикультурной идентичности (в частности Р.Нисбетт, Ф.Хонг, А.Назароян [Нисбетт и др., 2011] и многие другие – область того, что сегодня в западной науке обозначается как «культурная психология»). Это достаточно обширная группа работ, где обработка информации человеком в принципе рассматривается как, во-первых, конструктивный процесс (т.е. смысл не считывается, а придается человеком), а во-вторых, как динамический, т.е. подвижный и зависимый от ключевых знаков конкретной ситуации. И символы, относящиеся к контексту этнических культур, «работают» таким же образом, как и другие «прайминги». Самая подробная схема анализа бикультурной идентичности в рамках этого подхода принадлежит сегодня Веронике Бене-Мартинес и ее коллегам.

В подходах, сфокусированных на структуре сознания человека и его субъективности («драма»), тоже есть идеи, позволяющие описывать бикультурную идентичность как эталонную. К таким относятся идеи Г.Херманса о диалогическом Я, что особенно применимо к противопоставлению культур [Hermans, Kerpen, 1998]. Диалогическое представление о сознании [3] подразумевает, что его природа – это интернализированный и преобразованный опыт взаимодействия/ диалога, и некоторые авторы приходят к идее рассматривать голоса в этом диалоге как формы обобщения культур (см., например [Josephs, 2002]). Культурный опыт постижения иных смыслов, даже если речь идет о туризме, по мнению исследовательницы, уже может наряду с другими обретать свой голос в пространстве диалогического субъекта.

Заключение

Описанные подходы, в целом, можно свести в суммирующую таблицу (см. табл. 1).

Таблица 1

Примеры понятий, которыми оперируют разные подходы к бикультурной идентичности

Бикультурализм в социальном контексте	Внимание к системным или субъектым аспектам	
	«Механизм»	«Драма»
Аномалия	Упрощенная теория маргинальной личности	Теория маргинальной личности
Адаптация	Аккультурация	Стратегии управления идентичностью
Позиция	Политическое содержание дискурсов этничности	Смена «точки сборки», движение к индивидуализму как ценности
Частный случай	Динамико-конструктивистский подход	Нарративный и диалогический подход

Проведенный анализ преследует цель обосновать следующие выводы о современном состоянии концептуализации проблемы бикультурной идентичности:

1. Постановка проблемы бикультурной идентичности включает в себя – явно или нет – определенные представления о социальном контексте и границах самоопределения человека в этносе и государстве. Эти представления отражены в методах изучения, в том, какая форма бикультурной идентичности обозначается достигнутой и положительной и т.п.

2. Проблема бикультурной идентичности как непредзаданной и связанной с высокой неопределенностью постепенно перестраивает релевантные научные области, становясь из маргинальной – мейнстримовой. Психология этнокультурной идентичности все больше становится областью изучения неопределенности, множественности и динамики. Все в большей степени концептуализация бикультурной идентичности от экзотизации смещается к элиминативному варианту.

Литература

Андерсон Б. [Anderson B.] Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. Москва: Канон-пресс, 2001.

Андреева Г.М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций. Психологические исследования, 2011, 6(20), 1. <http://psystudy.ru>

Барский Ф.И. Личность как черты и как нарратив: возможности уровневых моделей индивидуальности. Методология и история психологии, 2008, 3(3), 93–105.

Барский Ф.И., Кутузова Д.А. Представления об идентичности в рамках нарративного подхода. Мир психологии, 2004, 2(38), 67–77.

Барт Ф. [Bart F.] (Ред.). Этнические группы и социальные границы. М.: Новое издательство, 2006.

Белинская Е.П. Человек в изменяющемся мире – социально-психологическая перспектива. М.: Прометей, 2005.

Белинская Е.П. Неопределенность как категория современной социальной психологии личности. Психологические исследования, 2014, 7(36), 3. <http://psystudy.ru>

Белинская Е.П., Стефаненко Т.Г. Этническая социализация подростка. М.: МОДЭК, 2000.

Быховская И.М. Горбачева И.В. Маргинальность культурная. В кн.: С.Я. Левит (Ред.), Культурология XX век: Словарь. М.: Университетская книга, 1998. Т. 2, с. 11.

Воронкова В., Освальд И. (Ред.). Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998.

Галкина Е.М. Этническая идентичность подростков из национально-смешанных семей: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, Москва, 1993.

Де-Вос Дж. [De Vos G.] Этнический плюрализм: Конфликт и адаптация. В кн.: Личность, культура, этнос: Современная психологическая антропология. М.: Смысл, 2001. С. 229–276.

Донцов А.И., Стефаненко Т.Г., Уталиева Ж.Т. Язык как фактор этнической идентичности. Вопросы психологии, 1997, №. 4, 75–86.

Котова М.В. Проблемы конструктивной валидности шкальных методик измерения этнической идентичности. Вестник государственного университета управления, 2013, №. 23, 257–264.

Леонтьева А.А. К вопросу об этнической идентичности и свободе. В кн.: Международная научная конференция «Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира: Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет». Варшава: Варшавский университет, 2006. С. 392–397.

Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1997.

Марцинковская Т.Д. Методология современной психологии: смена парадигм?! Психологические исследования, 2014, 7(36), 1. <http://psystudy.ru>

Нисбетт Р., Пенг К., Чой И., Норензаян А. [Nisbett R., Peng K., Choi I., Norenzayan A.] Культура и системы мышления: сравнение холистического и аналитического познания. Психологический журнал, 2011, 32(1), 55–86.

Николаев В.Г. Человек маргинальный. В кн.: Ю.М. Резник, М.В. Тлостанова (Ред.), Вопросы

социальной теории: Научный альманах. Человек в поисках идентичности. М.: Междисциплинарное общество социальной теории, 2010. Т. IV, с. 354–372.

Пономарева О.А. Этническая идентичность и толерантность якутских подростков с разным уровнем языковой компетентности (по материалам исследования в Республике Саха (Якутия)). В кн.: Н.М. Лебедева (Ред.), Идентичность и толерантность. М.: Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, 2002. С. 251–265.

Собкин В.С., Глухова Т.В., Мутерперель С.В. Национальная идентичность и межнациональная толерантность в подростковом возрасте В кн.: В.С. Собкин (Ред.), Возрастные особенности формирования толерантности. М.: Центр социологии образования Российской академии образования, 2003. С. 152–172.

Ставропольский Ю.В. Модели этнокультурной идентичности в современной американской психологии. Вопросы психологии, 2003, No. 6, 112–121.

Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Аспект Пресс, 2014.

Титова Т.В. Козлов В.Е. Маргинальность и толерантность выходцев из этнически-смешанных семей. Электронный этножурнал, 2004, No. 10, Апрель. <http://www.ethnonet.ru/lib/0404-01.html>

Турушева Ю.Б. Особенности нарративного подхода как метода изучения идентичности. Психологические исследования, 2014, 7(33), 6. <http://psystudy.ru>

Тхостов А.Ш., Рассказова Е.И. Идентичность как психологический конструкт: возможности и ограничения междисциплинарного подхода. Психологические исследования, 2012, 5(26), 2. <http://psystudy.ru>

Эпштейн М.Н. Транскультура. В кн.: Г.Л. Тульчинский, М.Н. Эпштейн (Ред.), Новый проективный словарь. СПб.: Алетейя, 2004. <http://www.topos.ru/article/2976>

Benet-Martínez V., Haritatos J. Bicultural Identity Integration (BII): Components and psychosocial antecedents. *Journal of Personality*, 2005, 73(4), 1015–1050.

Benet-Martínez V., Leu J., Lee F., Morris M. Negotiating biculturalism: Cultural frame-switching in biculturals with "oppositional" vs. "compatible" cultural identities. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2002, 33(5), 492–516.

Fishman J.A (Ed.). *Handbook of Language and Ethnic Identity*. New York: Oxford University Press, 1999.

Fuligni A., Witkow M., Garcia C. Ethnic identity and the academic adjustment of adolescents from Mexican, Chinese, and European backgrounds. *Developmental Psychology*, 2005, 41(5), 799–811.

Hermans H.J.M., Kempen H.J.G. Moving cultures. The Perilous Problems of Cultural Dichotomies in a Globalizing Society. *American Psychologist*, 1998, 53(10), 1111–1120.

Huynh Q., Howell R.T., Benet-Martínez V. Reliability of bidimensional acculturation scores: A meta-analysis. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2009, 40(2), 256–274.

Josephs I.E. "The Hopi in Me". The construction of a Voice in the Dialogical Self from a Cultural Psychology Perspective. *Theory and Psychology*, 2002, 12(2), 161–173.

Okeke N.A., Howard L.C., Kurtz-Costes B., Rowley S.J. Academic Race Stereotypes, Academic Self-Concept, and Racial Centrality in African American Youth. *Journal of Black Psychology*, 2009, 35(3), 366–387.

Phinney J.S., Devich-Navarro M. Variations in bicultural identification among African American and Mexican American adolescents. *Journal of research on adolescence*, 1997, 7(1), 3–32.

Root M.P.P. Resolving "Other" Status: Identity Development of Biracial Individuals. In: N.R. Goldberger, J.B. Veroff (Eds.), *The culture and psychology reader*. New York: New York University Press, 1995. pp. 575–595.

Root M.P.P. A Bill of Rights of Racially Mixed People. In: M.P.P. Root (Ed.), *The Multiracial Experience: Racial Border as the New Frontier*. Thousand Oaks, CA: Sage Publication, 1996. pp. 3–14.

Smith T.B., Silva L. Ethnic identity and personal well-being of people of color: a meta-analysis. *Journal of Counseling Psychology*, 2011, 58(1), 42–60.

Примечания

[1] В грубых формах и спекуляциях это может быть и соответствием любым бытующим нормам, выдаваемым за «традиционную культуру», «интересы коллектива» и т. п.

[2] Это может быть связано с тем, что проблематика социального контроля (и патологизации как ее инструмента) в меньшей степени разработана в области психологии, чем у исследователей общества.

[3] Термин *dialogical self* постепенно стал применяться как конструкт уровня культуры, отражающий фактически толерантность к противоречиям в образе Я, что однако не исчерпывает значение этого термина.

Поступила в редакцию 25 ноября 2014 г. Дата публикации: 14 апреля 2015 г.

Сведения об авторе

Леонтьева Анна Алексеевна. Старший преподаватель, Высшая школа экономики (Национальный исследовательский университет), Волгоградский пр., д. 46-Б, 109316 Москва, Россия; соискатель, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, 125009 Москва, Россия.
E-mail: anna.a.leontieva@gmail.com

Ссылка для цитирования

Стиль psystudy.ru

Леонтьева А.А. Бикультурная идентичность как проблема психологии. *Психологические исследования*, 2015, 8(40), 11. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Леонтьева А.А. Бикультурная идентичность как проблема психологии // *Психологические исследования*. 2015. Т. 8, № 40. С. 11. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1119-leontieva40.html>

[К началу страницы >>](#)